

ответственность перед лицом будущего

Юр. ЗУБКОВ

ПИСАТЕЛЬ свежего и большого художественного таланта, остро воспринимающий драматизм «процессов разрушения и созидания» (А. М. Горький), характеризующих современную действительность, новосибирец

Виктор Лаврентьев сразу же и уверенно заявил о себе как о драматурге не местном, а повсеместном, всесоюзном. Пьесы его обладают несомненным качеством литературности, вызывают живой интерес у самых разных читательских кругов. Однако к баловням театральной фортуны Лаврентьева вряд ли отнесешь. У театров и в первую очередь у режиссеров его пьесы часто, как это ни парадоксально на первый взгляд, рождают боязнь и недоверие.

Жалующиеся из года в год на недостаток интересных, глубоких пьес о современности, театры наши упорно обходят драматургию Лаврентьева стороной. А ведь кроме ранней пьесы писателя «Кряжевы», посвященной событиям, успевшим стать историей, все остальные рисуют картины современной действительности, жизнь современного человека. И, как подлинные произведения искусства, не стареют, а продолжают волновать и многие годы спустя после своего рождения.

Писатель, побывавший еще в период довоенных пятилеток на многих крупнейших стройках Сибири, Казахстана и Дальнего Востока, прошедший нелегкий путь артиллерийского разведчика на фронтах Отечественной войны, корреспондент «Советской Сибири» и «Груда» в послевоенные годы, Лаврентьев неотделим от современности, от жизни народа, от проблем, к которым приковано внимание общества сегодня и которые в значительной мере определяют его завтрашний день.

Несценичностью — вот чем обычно объясняют сами театры, режиссеры свое настороженное, опасливое отношение к лаврентьевским пьесам. О какой, однако, сценичности идет речь? Не о той ли, которую многоопытный и глубокий мастер театра, открывший не одно драматургическое дарование, Вл. И. Немирович-Данченко характеризовал как «слишком мелков и узкое понятие», как «путало для всякого писателя»? Не о сценичности ли, при которой за выигрышными, «верняковыми» драматургическими ситуациями обнаруживаются не реальная жизнь, ее противоречия и конфликты, а готовые, многократно опробованные театральные эффекты и приемы, набор давным-давно используемых трафаретов и штампов?

Вполне естественно, что не все пьесы Лаврентьева равнодушны. Но даже и в тех произведениях, в которых драматургу не удалось полностью выразить свой замысел, в зерне самого этого замысла обнаруживается содержательная, серьезная идея.

Вероятно, уже в самой коллизии драмы «Любовь незнакомца» (название, будем откровенны, явно недостает вкуса!) можно обнаружить и нарочитость, и искусственность. Две мужчины, Радугин и Логинов, похожие друг на друга, как близнецы, перепутали документы. В результате аварии один из них оказывается тяжело контуженным — он утратил память. По документам же его все принимают за другого, за двойника. Возникает неимоверная путаница, счастливо, впрочем, разрешающаяся к финалу. Однако в этой основанной на случайности, недоразумении пьесе заложена важная и значительная мысль. Мысль о том, что человек всегда, в любых ситуациях, в самых трудных для себя условиях должен оставаться самим собой. Жаль только, что для выражения этой

мысли драматург не нашел убедительного художественного способа.

Впрочем, говоря о настороженном отношении театров к драматургии Лаврентьева, я имею в виду не пьесы типа «Любовь незнакомца», а лучшие произведения писателя, такие, как «Светлая», «Они продолжают путь», «Где-то совсем рядом». Да и с постановкой последней лаврентьевской пьесы «Человек и глобус» театры особенно не спешат. Не найдя к драматургии Лаврентьева своего ключа, они незаслуженно выводят ее за рамки репертуарной афиши.

Между тем совсем не в «сценичности» или «несценичности» той или иной пьесы следует, на мой взгляд, искать причину трудной театральной биографии лаврентьевской драматургии. А в том, что его пьесы, особенно лучшие из них, действительно трудны для постановки. Они требуют обостренного внимания и интереса не к тем или иным сценическим ситуациям как таковым, не к их внешней выигрышности или невыигрышности, но к явлениям общественной жизни, которые побудили писателя взяться за перо, к его гражданским мыслям, к философскому содержанию его творчества.

Еще А. П. Чехов высказывал мысль о том, что при всем тематическом и сюжетном разнообразии произведений писателя в них, если автор по-настоящему талантлив и значителен как личность, всегда можно обнаружить его особую, неповторимую индивидуальность. Эта авторская индивидуальность и обнаруживается в пьесах Лаврентьева, философская сущность которых составляет их глубоко скрытое, но сильное «подводное течение», а не декларируется автором обнаженно и прямо-линейно. Сущность эта, пронизывающая всю художественную ткань произведения, требует особенного внимания и чуткости режиссеров и актеров, без чего она так и может остаться книгой за семью печатями.

Мысль об ответственности перед будущим — центральная в лаврентьевском творчестве. Мысль эта напряженна и глубоки, позволяет ему рассмотреть за частными судьбами людей общие процессы, характеризующие время и его движение, внутреннюю, естественную связь между поколениями. Именно эта мысль и сообщает произведениям Лаврентьева внутреннюю масштабность, партийную страсть, значение правдивых и важных художественных документов эпохи.

В остром поединке схватываются геологи Георгий Илюхин и Олег Лубенцов — герои пьесы «Светлая». Идет Отечественная война, и Илюхин мучительно переживает свое пребывание вдали от фронта, на сибирской реке Светлой, где в будущем должна быть воздвигнута мощная гидроэлектростанция. Ему трудно — и физически, и морально. Делает нужное, наиважнейшее для завтрашнего дня страны дело, определяя место будущего строительства, Илюхин чувствует себя неоплатным долгником тех, кто на фронте воюет «в огне, в дыму».

Лубенцов же счастлив, что избежал фронта. Ему важно одно — выжить, повышающее устроиться, а суть изысканий, суть научных споров, развертывающихся вокруг будущего строительства, его не волнует. Жена его — на фронте, он находит другую женщину. Возвращается демобилизованная Ана, он готов, боясь расплаты, отназаться от Мариной — новой жены... «Вы — пакостник», — говорит Лубенцову в минуту гнева Илюхин. — Вы целиком, всеми своими потерями, хотите одного — поменьше давать, побольше получать. Биссет гирей на шее государства. Все свои права вы усвоили назубок, но о долге не помышляете...

С большой любовью выписывает драматург образы людей труда, создавая в пьесе сюжетный, мужественный и позитивный коллективный портрет народотруженика. Народа, чьи повседневные, будничные, вроде бы и неприметные

дела втыкаются дерзкой мечтой, пронизаны светом романтики и поэзии. Тихо говорит Илюхин, услышав майским утром сорок пятого года сообщение радио о капитуляции фашистских войск: «Пусть пройдут года, а заплещут на нашем море веселые волны, поплынут пароходы, а там, в горах, в самой глухи, где лежат нужные людям богатства, вспыхнет свет. Заработают новые, большиерудники, построят города. Ничего, что, может быть, про нас в те дни и не вспомнят. Не дожил Фролов, ушла Таня, дадут, возможно, отставку мне, но наша правда одолеет».

Правда и поэзия, правда и коммунистическая нравственность в глазах Лаврентьева нерасторжимы между собою, ибо все эти понятия виждются на одном и том же — на труде. Созидающим труде во имя общества, во имя его нынешнего дня и дня завтрашнего. И хотя у героя пьесы «Они продолжают путь» Ивана Буданцева иная судьба, нежели у Илюхина, они сродни друг другу. Каждый из них — человек долга и подвига. Подвига неброского, нешумного, не спешащего громогласно заявлять о себе, но требующего от человека всех его душевных и физических сил, всего его без остатка.

Сложным, многосторонним и внутренне противоречивым характером наделяет автор Ивана Буданцева, бессменно проявившего на посту председателя колхоза четверть века. Нет в этом характере ничего от старицкой мудрости, порой выставляемой напоказ. Душевность и нежность Буданцева старательно прячет — словно это черты и признаки человеческой слабости — и от жены, и от дочери, и от друзей. На поверхность выступают лишь буданцевская колючность и нетерпимость, порой даже грубость, неуживчивость, излишняя прямолинейность. Но тянутся к этому неугомонному, ершистому человеку люди, открывают ему свою сердца.

Чувствуют в старом воянике беспонятного, одержимого мечтателя. Олицетворяет он для окружающих их собственную совесть, им поверяют они свои поступки, жизнь свою — его жизнью.

В финале пьесы Буданцев умирает — сказываются годы, болезнь сердца, неумение беречь себя в схватках с людьми, привыкшими жить только для себя. Людям же этим — Якову Задорожному, Елене Федоровне — спороподобная смерть не угрожает. Но в том-то замысел автора и состоит, чтобы через внутреннее единство показать духовное умирание людей, чуждых нашим мечтам, поискам, свершениям. Путь этих людей никто не продолжит, а путь Буданцева продолжает многие — дочь его Валя и ее подружка Даша Грачева, партнёрка колхоза Ушакова, подавшийся из города в деревню рабочий Геннадий, шофер Луши, архитектор Тихонов... Нелегки их дороги, небезоблачно над ними небо. Но частица всегда юной и страстной души Буданцева, огонек его веры, святого беспокойства восприняты ими, стали их сущностью...

Пьесы «Кряжевы» и «Чти отца своего...», как и «Они продолжают путь», — это семейные драмы. Однако рабочие семьи Кряжевых и Кичигиных не есть нечто замкнутое в самих себе, изолированное от окружающей среды. Жизнь властно вторгается в быт этих семей, по-своему поворачивает и направляет их судьбы.

Да, драма «Кряжевы», действие которой происходит на протяжении почти трех десятилетий — с 1903 года по 1932-й, воссоздает события, ставшие ныне для нас историей. Но как свежо и современно звучит пьеса сегодня! Идея служения революции, защиты ее завоеваний, строительства нового мира, определяющая все действия главных героев произведения — Надежды Кряжевой и Петра Гладышева, Ольги, Антона и Скворцова, близка людям сегодня. Понимая, что ради нас, нынешних, шли Петр и Надежда в ссылки, не щадили себя ни в боях с белогвардейцами и интервентами, ни возвращая на пустырях корпуса новых громадных заводов, мы сегодня меряем свои дела и решения их делами и решениями, свои жизни — их жизнями.

Примечательно, что, рисуя образы профессиональных революционеров, партийных работников, Лаврентьев и в этой пьесе развивает тему, которую выразил он в названии пьесы об Иване Буданцеве — «Они продолжают путь». Они — это молодая поросль, дети революционеров, родившиеся в ссылках и в ссылках проводившие детство. Они подхватывают эстафету отцов и матерей, также чувствуя себя сопричастными великому делу рабочего класса.

«Пусть будет счастье, трудности, борьба, — говорит в финале пьесы Клава, дочь погибшего большевика Антона. — Я знаю, что выдержу все, какие ни выпадут, испытания. Не отступлю, не согнусь».

Тема преемственности поколений развивается и в драме «Чти отца своего...», действие которой происходит уже в наши дни. Лежит непроходимый рубеж между моралью старшего Кичигина, Гордия Павловича, собственника, купца в душе, и моралью сына его — Трофима Гордеевича, гордого своей принадлежностью к рабочему классу, дви-

жимого в своих решениях главной мыслью — так нужно для людей. Дети старого рабочего Трофима — Максим, Ирина, Севая — новое, растущее поколение советской интеллигенции. Но мораль отца, мораль рабочего класса — это и их мораль, их сокровеннейшие убеждения. И подвиг Максима, сознательно пошедшего на риск во время научного опыта, естественно вырастает из этой морали. Как определяется этой моралью и отношение матери, Софии Ивановны, к поступку Максима. И горько ей, неизмеримо горько от сознания, что годы Максима сочтены, и ясно сознает она, что по-другому она поступить не мог, сама она, отодвинувшись в сторону, уступила опасное место теще-варищу, презирала бы сына, жизнь свою считала бы прожитой зря...

Отдавая должное достоинствам драмы «Чти отца своего...», я все же должен сказать, что и своим внутренним масштабам охват и осмысливания событий, и по глубине и емкости своего философского содержания она, на мой взгляд, заметно уступает таким лаврентьевским пьесам, как «Где-то совсем рядом» и «Человек и глобус». Пожалуй, в «Чти отца своего...» драматург отдал наибольшую дань этой самой пресловутой сценичности, основывающейся здесь на известном мелодраматизме ряда ситуаций. В других своих произведениях Лаврентьев обычно бываетдержаннее, суровее, глубже.

Прослеживая в пьесе «Где-то совсем рядом» судьбы самых различных людей — академика Смолина, директора совхоза Софии Михайловны, врача Маши, вчерашнего колхозника, прирожденного хлебороба Анисима Ермолова, драматург развивает мысль о том, что настоящее никогда не существует само по себе — в нем непременно скрещиваются и противоречат, порой жестоко схватываются между собой вчерашнее и завтрашнее. Противоречат, скрещиваются — в большом и в малом, в делах человеческих и в человеческих судьбах.

А судьбы эти неотделимы от судьб всего нашего общества, судеб страны. Вопросы, волнующие героев драмы, хотя не все из них порой это сознают, обладают широкой общественной значимостью. Изыскания академика Смолина, стремящегося мобилизовать с помощью атомной энергии естественное тепло земли и резко повысить урожайность, не только кровью затрагивают личные интересы и личную судьбу каждого из героев пьесы, но и являются тем освещением, на котором проверяются нравственные качества и душевная ценность человека.

Идея преемственности поколений представлена в этой драме как идея преемственности времен. Только преемственность эта не обозначена прямой восходящей линией. Развитие идет диалектически, в противоборстве внутренних противоречий, скачкообразно, со взлетами и перерывами.

Из далеких времен принес Анисим Ермолова мечту о сказочных урожаях. Мечту, овеянную ленинской идеей преобразования страны и всей жизни народной. Кажется, сегодня, когда земеделие и наука защищают между собой новый, невиданный прочности и эффективности союз, мечта эта близка к осуществлению. Но еще бродят по земле трусливые и эгоистичные люди, вроде чуждого земле агронома Краснощекова, люди, пыщущие злобой по отношению к новым советским жизненным устремлениям, такие, как Терентий. И погибает во время пожара, устроенного Терентием, Анисим Ермолов... Но мечта его остается, и о ней говорят люди в час рассвета, стоя у еще свежего пепелища...

Внутренне перекликается с драмой «Где-то совсем рядом» пьеса «Человек и глобус». Именно «ради жизни на земле», ради осуществления идей академика Смолина и мечты хлебороба Ермолова живет, ищет, трудится герой этой пьесы выдающийся советский ученый-атомщик Бармин. Посвящая свою жизнь идею создания мощнейшего оружия, Бармин думает о безопасности социалистической Родины, о мирном труде своих соотечественников на благо всего советского общества...

Так от пьесы к пьесе и раскрываются художественная индивидуальность В. Лаврентьева, его творческие идеи, стремление к философскому осмысливанию жизни, тема ответственности перед будущим как генеральская тема всего творчества талантливого художника.

Время — стражайший и справедливейший экзаменатор для любого художника. Драматургия Лаврентьева, лучшие его пьесы вспеляют твердую уверенность в том, что он этот экзамен выдержит успешно. Но тем более важно подчеркнуть, что наши театры в серьезном и двойном долгу — и перед драматургом, и перед зрителем. Самое время театрам сегодня платить этот долг, ибо решение важнейших идеологических задач, поставленных перед нашим искусством апрельским Пленумом Центрального Комитета партии, требует драматургии значительной — и идеино- и художественно. А именно такую драматургию и представляют пьесы Виктора Лаврентьева.

Виктор ЛАВРЕНТЬЕВ.